

Глава 11

Цзи Хуайчжэнь неспешно одевался, сидя на постели. Перебросив влажные пряди волос на грудь, он прислушивался к грохоту, доносившемуся сверху — там явно шло нешуточное сражение. Впрочем, раз там была Бай Сюэ, беспокоиться не стоило.

Вскоре в комнату вернулся Яньчи.

— Ну как?

Хуайчжэнь позволил себе редкую минуту искреннего участия, но в ответ поймал лишь странный, полный недоумения взгляд юноши.

— Опять этот паршивый даос по фамилии Лу... — проворчал Седьмой принц. — И что ему в обители не сидится? Зачем он притащился сюда среди бела дня?

Тут до Хуайчжэня дошло значение этого взгляда.

«Всё это — твои любовные долги»

Он широко развёл руки, представ перед Яньчи во всей своей наготе, и безмолвно велел прислуживать. Капли воды стекали по его телу, оставляя влажные следы на коже. Одной этой картины хватило, чтобы у юноши пересохло в горле. Тоба Яньчи принялся послушно облачать Тайфу, стараясь подавить вспыхнувшее желание, но стоило его пальцам коснуться податливого тела, как прежнее раздражение сменилось щемящей нежностью.

Когда он потянулся к нефритовой подвеске на столе, взгляд его потеплел ещё сильнее.

Хуайчжэнь, заметив, что тот заворожено разглядывает украшение, решил прощупать почву:

— Понравилась? Вещь ценная, подарить не могу. Но позже велю сделать тебе похожую, хочешь — с вырезанной ласточкой?

Яньчи покачал головой:

— Не нужно. Оставь себе. Нефрит оберегает владельца, пусть хранит тебя.

Он немного помолчал и добавил:

— Я помню эту подвеску ещё со Шанцзина, когда впервые увидел тебя. Она была со сколотым краем. Я никогда раньше не видел такой... потому и запомнил так надолго.

Для юноши тот скол на нефритовой подвеске был таким же врезавшимся в память изъяном, как и сам господин Лу — человек безупречный, словно чистый горный ветер, которого он встретил тогда впервые.

Хуайчжэнь лишь сухо усмехнулся.

— Поторпливайся. Пойдём посмотрим, чего хочет этот колдун по фамилии Лу.

Яньчи встряхнул верхнее одеяние, и в этот момент на пол выпал небольшой рисунок. Он машинально поднял его: на тонкой бумаге была изображена женщина необычайной красоты, играющая с младенцем.

Цзи Хуайчжэнь тут же перехватил листок и спрятал его у самого сердца, не удостоив спутника объяснениями.

То, чем он так дорожил, было портретом его сестры, Цзи Ванся, и племянника А Цюаня. Но Яньчи, не зная правды, лишь мельком заметил внезапную холодность на лице Тайфу. В его сознании тут же всплыли слухи, услышанные перед отъездом в Вэньян: поговаривали, что господин Лу давно женат, но супруга его почила, а единственный сын скончался во младенчестве, отчего Лу Шии долгие годы никого не подпускал к себе близко.

Одно дело — слышать сплетни, и совсем другое — видеть всё своими глазами. Заметив, как Хуайчжэнь заволновался из-за рисунка, Яньчи почувствовал, как сердце пронзила глухая тоска.

Пока он предавался мрачным раздумьям, Тайфу внезапно обернулся и требовательно бросил:

— Ты не пойдёшь со мной? Чего застыл как истукан? А если Лу Сяоцзя снова взбрёт в голову наброситься на меня, кто меня защитит?

Он чуть вскинул подбородок, глядя на юношу с привычным высокомерием.

Словно путник, долго блуждавший среди снегов и льдов, внезапно обрёл тепло костра — Яньчи ощутил, как по всему телу разлилось странное чувство. Он коротко выдохнул, в несколько шагов догнал мужчину и крепко сжал его ладонь в своей.

Хуайчжэнь холодно хмыкнул, не преминув отпустить колкость, но руку вырывать не стал.

— К чему такая хватка? Боишься, что сбегу? Отпусти, не позорь меня перед людьми.

Они вышли во двор, препираясь на ходу, к чему стражники уже давно привыкли.

Связанный по рукам и ногам Лу Сяоцзя стоял на коленях посреди двора. Увидев Хуайчжэня — довольного, источающего едва уловимый дух недавней страсти, — а затем взглянув на стоящего подле него Яньчи, даос впал в полное оцепенение.

Губы его задрожали, глаза расширились. Не говоря ни слова, он трижды отвесил земной поклон в сторону юго-востока и истошно заголосил:

— Матушка! Прости непутевого сына! Он и впрямь оказался проклятым «обрезанным рукавом»!

Яньчи уже готов был сорваться, но Хуайчжэнь лениво повёл рукой. Стражники тут же набросились на болтливого даоса, всыпав ему как следует.

— Довольно, — велел господин Цзи и с усмешкой спросил: — Сколько тебе лет?

Ему действительно стал любопытен этот странный человек.

Лу Сяоцзя, с лицом, покрытым синяками, подполз на коленях поближе и заискивающе улыбнулся:

— Докладываю господину, в этом году исполнилось двадцать шесть!

Почти ровесник.

Хуайчжэнь хотел было расспросить его подробнее, но почувствовал на себе ревнивый взгляд спутника.

— Зачем ты выслеживал меня? — сменил он тон.

— Господин, я не мог иначе! Я пришёл позаботиться о вас! Ваша милость — драгоценный росток, наделённый божественной статью, вам никак нельзя подвергать себя опасности!

Цзи Хуайчжэнь мгновенно вспылел. Больше всего на свете он ненавидел, когда перед ним начинали умничать, используя книжные обороты. Он резким ударом повалил пленника на землю.

Но тот не унимался. Извернувшись, словно осёл в пыли, он снова сел на колени и затараторил:

— После того как вчера вы ушли, я снова раскинул на вас гексаграмму! Путь ваш будет тернист, господин! Если вы задержитесь в Фэньчжоу, не миновать вам темницы! В нашей Великой Ци полно достойных людей, прошу вас, возвращайтесь домой, пусть кто-нибудь другой

едет договариваться о мире!

Яньчи хмуро спросил:

— С чего ты взял, что ему грозит темница?

— Так звёзды молвили! Я, Лу Сяоцзя, гадаю на небо, на землю и на людей, и ещё ни разу не ошибся! — Он хитро прищурился и вкрадчиво добавил, глядя на Хуайчжэня: — Я даже знаю, о чём вы вчера толковали с моим учителем втайне от всех. И более того — я предвижу, что за свою жизнь господин Лу трижды свяжет себя узами брака.

Хуайчжэнь внешне остался невозмутим, но сердце его пропустило удар. На браки ему было плевать, но слова даоса о том, что именно он предсказал А Цюаню судьбу императора, заставили его настороженно прищуриться.

Согласно сведениям из Террасы Тающего Золота и показаниям даоса Чжана, всё это дело с «перерождением Ли Эра» было затеяно тем самым аферистом Цзэном, младшим братом их наставника. Вчера Хуайчжэнь окончательно убедился, что это человеческих рук дело, и за спиной колдуна стоит кто-то влиятельный. Но откуда теперь взялся этот Лу Сяоцзя, о котором прежде никто и не слыхивал?

— А ты ещё кто такой? Стал бы я слушать каждого встречного проходимца, что жаждет награды?

Он спокойно смотрел на даоса, а за его спиной один из тайных стражей по его знаку уже бесшумно исчез в тенях. Яньчи заметил это, но не проронил ни слова.

— Кому же верить господину, если не мне! Вы — Лу, и я — Лу, мы ведь однофамильцы! Кто знает, может, пятьсот лет назад мы и вовсе были одной семьёй!

Не дав Хуайчжэню вставить и слова, Яньчи ледяным тоном бросил:

— Иероглифы в ваших фамилиях пишутся по-разному.

Собеседник не растерялся. Подобно человеку, способному и гнуться, и выпрямляться, он подался вперёд и с жаром воскликнул:

— Это не беда! Я готов взять фамилию господина, лишь бы вы берегли свою жизнь!

Хуайчжэнь рассмеялся:

— Странный ты человек. Стоило тебе увидеть мой гороскоп, как ты только и твердишь о моей безопасности. Жив я или мертв — тебе-то какое дело?

При этих словах Лу Сяоцзя как-то странно замялся и вдруг, залившись краской, бросил на Тайфу взгляд, полный такого двусмысленного томления, что воображение невольно рисовало самые непристойные картины.

Он что-то бормотал под нос — то поминая мать, то ругая проклятых «обрезанных рукавов». Яньчи, не выдержав этого зрелища, уже замахнулся для удара, но в этот момент за их спинами раздался голос:

— Господин, всё готово.

Все обернулись на звук.

Бай Сюэ сменила свой походный наряд на изысканное платье с длинным шлейфом. Она поправляла буяо в волосах, а на кончиках её пальцев ещё виднелись следы румян, которые она не успела стереть. Видно было, что высокая прическа и украшения ей крайне непривычны. Для Хуайчжэня и его приближённых это преобразование было делом обыденным, Яньчи же на миг оторопел, но быстро взял себя в руки.

Лишь Лу Сяоцзя замер, словно поражённый громом.

Он внезапно снова пах на колени в сторону юго-востока и, отвесив громкий поклон, торжественно произнёс:

— Матушка, кажется, твой сын снова может быть почтительным!

Яньчи не выдержал и пнул его. Стражники, давно терявшие терпение, навалились гурьбой и снова скрутили даоса. Тот, подобно перевернутой черепахе, беспомощно сучил ногами, вытягивая шею в сторону девушки.

Бай Сюэ даже не удостоила его взглядом. Пристегнув к белоснежному предплечью скрытый механизм с болтами и закрепив на голени кинжал, она взяла в руки пару эмейских спиц. Повертев их и поняв, что спрятать такое оружие не удастся, она с сожалением отложила их и обратилась к Хуайчжэню:

— У господина будут ещё распоряжения?

Тайфу на мгновение задумался, мельком взглянул на валяющегося на земле даоса и внезапно произнёс:

— Отставить.

Это означало, что план изменился.

Он жестом подозвал помощницу к себе и что-то тихо прошептал ей на ухо. Она лишь бесстрастно кивнула. В конце Хуайчжэнь похлопал её по плечу и со значением добавил:

— Я знаю, ты давно этим не занималась. Если не хочешь — поручи другому.

Бай Сюэ ничего не ответила и удалилась.

Заметив тень отвращения, мелькнувшую на её лице, Яньчи инстинктивно почувствовал неладное. Он хотел было расспросить Тайфу, но тут Лу Сяоцзя, всё это время не сводивший глаз с ушедшей женщины, внезапно выкрикнул:

— Точно! Я вспомнил! Я видел её! Видел в Павильоне Увядших Ароматов в Шанцзине!

Яньчи резко обернулся.

В следующий миг Хуайчжэнь стремительно поднялся и направился в дом, бросив на ходу:

— Связать этого колдуна и тащить за мной. Я сам его допрошу.

Юноша хотел было последовать за ним, но стражники преградили ему путь. По их каменным лицам он понял: на этот раз заходить запрещено даже ему.

Цзи Хуайчжэнь за шиворот втащил пленника в одну из гостевых комнат и швырнул его на пол, словно дохлого пса. Перед тем как закрыть дверь, он обернулся и спокойно распорядился:

— Пока я не позволю, никому не входить.

В последнее мгновение, перед тем как створки захлопнулись, Яньчи увидел в глазах Хуайчжэня вспышку ледяной, беспощадной жестокости.

За те дни, что они провели вместе, юноша не раз замечал, что нынешний Лу Шии совсем не похож на того человека, которого он видел в столице. Времена меняются, и люди вместе с ними, а уж в Шанцзине, этом логове зверей, и вовсе нельзя остаться прежним.

Но эта внезапная перемена всё равно заставила сердце Тоба Яньчи сжаться от холода.

Он хорошо знал этот взгляд. В ту секунду мужчина твёрдо решил убить Лу Сяоцзя.

Внутри комнаты Хуайчжэнь присел перед даосом и, грубо схватив его за подбородок, заставил поднять голову.

— Откуда тебе известно о Павильоне Увядших Ароматов? — ледяным тоном спросил он.

Лу Сяоцзя затравленно огляделся. Он почувствовал, как аура человека перед ним мгновенно изменилась, и, пытаясь сохранить остатки самообладания, пролепетал:

— Я... я ходил туда вместе с учителем.

Павильон Увядших Ароматов располагался в самом сердце Шанцзина. Официально он слыл пристанищем искусных куртизанок, но на деле был одним из тайных узлов Террасы Тающего Золота, откуда Хуайчжэнь черпал свои сведения.

Любовным клятвам в постели верить нельзя, но слова, сказанные после пары чарок вина, когда язык развязывается сам собой, редко оказываются ложью. Те, кто не мог сдерживать ни свою плоть, ни свой язык, в итоге оставались ни с чем, становясь лишь одинокими призраками под острым клинком Цзи Хуайчжэня.

Бай Сюэ была при нём много лет и давно перестала выходить к гостям. Откуда у нищего даоса могла появиться возможность увидеть её?

Хуайчжэнь пристально смотрел на него, и вдруг на его губах заиграла улыбка. Он поднялся и громко скомандовал:

— Эй, двое внутрь!

— Свяжите этого Лу кверху ногами к столбу кровати. И принесите угля у хозяина заведения. Да не забудьте растолочь его помельче.

Заметив, что один из приближённых медлит, Тайфу гневно сверкнул глазами:

— Чего застыл? Живо!

Стражник в нерешительности покосился на дверь:

— Господин... там этот юнец, Яньчи. Стоит у порога, не уходит. Кажется, хочет войти и быть подле вас. Боюсь, если начнём, поднимется шум, и он всё услышит. — Он осторожно взглянул на Хуайчжэня: — Может, стоит попросить его вернуться в свои покои?

Слово «попросить» он произнёс с особой осторожностью.

Хуайчжэнь замер и невольно взглянул на дверь. Там никого не было видно, но он знал — пока он не отдаст приказ, никто не посмеет подпустить Яньчи близко.

В его памяти мелькнул образ неприкаянного юноши и то тепло, с которым Яньчи обнимал его на полу после их ночных безумств. Цзи Хуайчжэнь, вечно настороженный и недоверчивый, в ту ночь впервые смог крепко уснуть в чужих объятиях, пусть даже и в облике Лу Шии.

Но он оставался собой. Неужели он и впрямь за эти несколько дней успел заразиться кротостью того человека, чью роль он играл?

Он холодно усмехнулся:

— Плевать на него. Внутри не пускать. Рано или поздно ему всё равно придётся увидеть правду. Лишь бы делу не мешал.

Подумав немного, он добавил:

— Если раскроет правду — убейте его.

<http://bllate.org/book/15318/1372609>